

НОВИЦКИЕ

И так, кто мы? Откуда? Какая кровь течет в наших жилах?

Пробраться далеко, как говорится, «в глубь веков», по отцовской линии, к сожалению, не представляется возможным. Дед Евгений Новицкий был или, во всяком случае, числился в официальных бумагах русским. Он умер в 1934 году, когда мне не было еще и трех лет. Нет в семье каких-то подробных сведений о прадедушке, Василии Новицком. Как будто он был выходцем из Польши, обосновавшимся в России. Какие причины заставили его покинуть Польшу, чем он занимался, кем был по своей профессии, на эти вопросы, к сожалению, нет ответов в нашей семье. Известно, однако, что женат он был на некой Марии, немке по происхождению, вероятно, обрусевшей. В какой степени линия отца «русская», а в какой «польская», трудно сказать. Судя по фамилии, польская кровь присутствовала там вне всяких сомнений. Кем ощущал себя прадед Василий Новицкий? Русским? Поляком? Нет ответа. Но дед, Евгений Новицкий, считал себя русским человеком и детей своих, в том числе и моего отца, воспитывал в чисто русских традициях. И уж русским до донышка, до корней волос ощущал себя мой отец Борис Евгеньевич.

Наверное, излишне спрашивать, кем ощущал себя я. Но ответу: русским, точнее, финляндским русским. Так было с рождения и до сих пор. Так же идентифицировали себя мои братья, моя сестра – дети Бориса Евгеньевича Новицкого и Екатерины Пуустинен.

Финская кровь и финская фамилия досталась моей матери от отца, Эйнара Пуустинена, а по матери, Надежде Львовне Светлик, мама – русская. Впрочем, Светлик тоже не вполне русская фамилия, она досталась Надежде от отца Алоизия Светлика, чеха по национальности. Мать же Надежды, моя прабабка по материнской линии, Федора (Вера) Ладощина (1857 – 1948 гг.) была русской без всяких примесей.

Бабушка, дедушка и тетя Тан-Надя, т.е. Надежда Герасимова в 1905 г.

Хорошо помню сестру матери Елену. Она вышла замуж за русского парижанина по фамилии Симончук, родила сына. Он года на два младше меня. Довольно долго тетя Лёля с сыном Павлом жила во Франции, но жизнь с мужем не заладилась, они развелись, и тетя Лёля вернулась в Финляндию, до конца дней жила в доме отца Эйнара Пуустинен, в Пакила, на том же участке, где и все мы (в тридцатых-сороковых годах).

«Уголок» – дача в Келломяки, которую бабушка с Тан-Надей купили совместно и где жили с 1917 по 1939 г. постоянно. Там жил в юности и отец и сестра отца - тетя Надюша и там родился я и брат Женя. Во время войны дом сгорел и на его месте в 1940-е годы был построен новый дом, который служил детдомом и был совершенно не похож на старый.

Бабушка (по отцовской линии) Эмма Карловна Новицкая (ур. Коссман), по происхождению немка, ее отец, Карл Фридрих Вильгельм Коссман, родился в 1826 году в Тюрингии (Дермсдорф). В Тарту (Эстония) выучился на лютеранского пастора и стал служить церковнослужителем в России.

Несколько лет тому назад Виктор, мой брат, взялся изучать «немецкую ветку» по отцовской линии, побывал в Германии, затем мы вместе, Виктор, я и наши жены ездили на родину отца бабушки, Карла Коссмана, и познакомились с местами, где он жил и работал.

Брат Евгений побывал однажды в Саратове и обнаружил весьма любопытные следы пребывания там деда Карла Фридриха Вильгельма Коссмана. Это произошло благодаря исследованию О.А.Лиценберг «Евангелическо-лютеранская церковь Святой Марии в Саратове», которое было опубликовано в 1995 году. Исследование содержит подробные сведения о лютеранстве в России, а кроме того со всей полнотой отражает деятельность Карла Фридриха Вильгельма Коссмана на территории России. В частности, в исследовании говорится, что 18 марта 1856 года Карл был ординирован и до 1862 года служил пастором в Иркутске. Затем он переехал в Москву, где занимал должность пастора секундариуса в церкви Св.Петра и Павла с 1862 по 1865 год. В декабре 1865 года был выбран пастором в Саратов. Во время пребывания на этом посту уделял огромное внимание школе, добился строительства новой церкви. Скоро занял пост Провста Поволжья (старший пастор Поволжья), затем стал вторым пастором Саратова, а впоследствии дослужился до генерального су-

*Первый класс
народной школы.*

перинтенданта и вице-президента Московского консисториального округа (1888 – 1892).

Итак, что же мы видим, пытаюсь докопаться до корней Новицких, пытаюсь ответить на вопрос, кто мы и откуда?

И по отцовской, и по материнской линии мы видим достаточно пеструю картину, в которой перемешаны русская, немецкая, польская, финская и чешская кровь. В сущности, не так уж это и важно. Важно, кем ты себя ощущаешь, какой язык для тебя родной, каких придерживаешься традиций, какие обычаи считаешь.

Моя судьба, судьба моих братьев, сестры сложилась так, что мы с детства наряду с русским языком и культурой, обычаями и традициями впитали в себя финский язык и культуру, финские обычаи и традиции. По сути дела, семья Новицких представляет сегодня собой некий многокультурный сплав, мы – финляндские русские. Так мы себя, мне думается, и ощущаем.

*Дед Эйнар в 1931 г.,
51 год.*

*Дача деда Эйнара в Куоккала,
рядом с «Пенатами».*

ДЕТСТВО

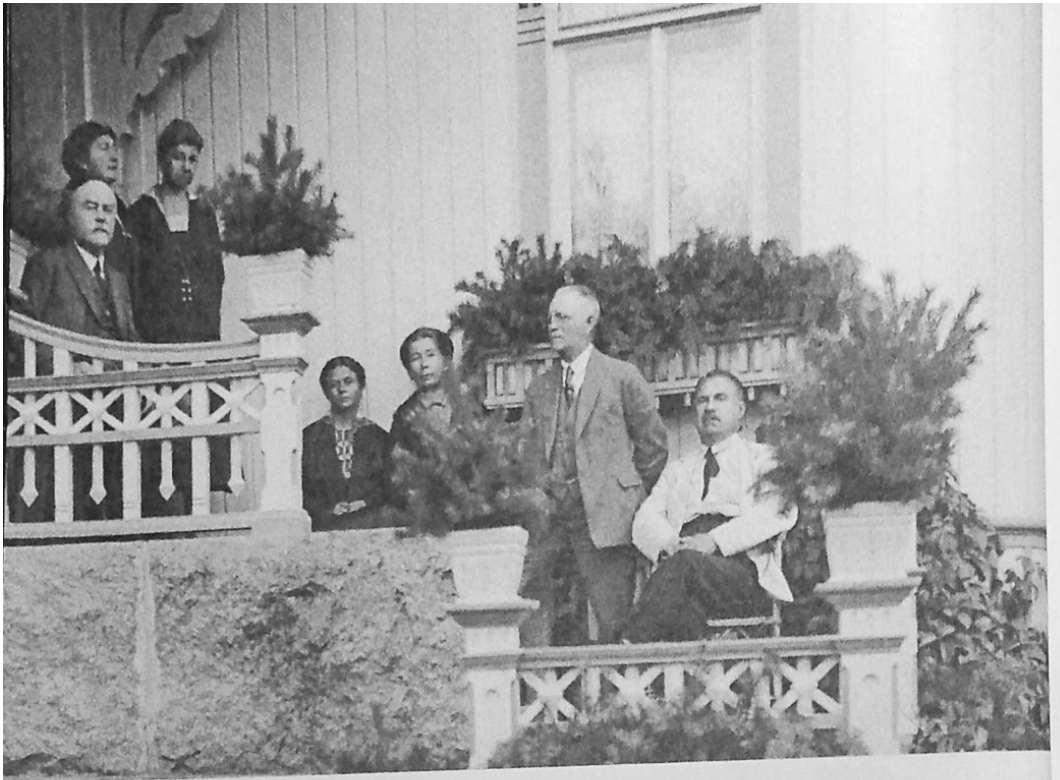
Воспоминаниях из самого раннего моего детства образ родителей остался запечатленным весьма расплывчато. Объясняется это тем, что первые годы моего существования прошли в Келломяки (ныне Комарово), в доме бабушки, а отец находился в это время в Хельсинки, куда и мать часто выезжала.

По окончании русского Териокского Реального училища, мои родители были направлены на учебу в университеты Франции. Отец выучился на инженера-химика, мать готовилась стать преподавателем математики. Отношения родителей, молодых тогда людей и знакомых уже с «Реалки» приобрели во Франции иное значение: из беззаботных школьных отношений они превратились в отношения близкие и завершились их браком, заключенным во Франции. Когда пришло время рожать, мать приехала в Финляндию, в Келломяки, где жила мать отца. Таким образом, мне суждено было появиться на свет в Финляндии, хотя это могло случиться и во Франции.

Бабушка, будучи профессиональным хирургом-гинекологом, нашла себе применение в Финляндии в качестве акушерки. Одно время она работала у доктора Циммермана, обрусевшего немца, который открыл в Териоки (ныне Зеленогорск) частную практику. Эти обстоятельства повлияли на решение матери, когда

*Михаил-француз
стал финляндцем.*

Бабушка и Тан-Надя в гостях у наших соседей, семьи Кауше, которые считались самыми богатыми в Келломяки и которые в 1930-е годы эмигрировали в Швецию.

перед ней встал вопрос, где рожать – в неустроенном (в личном плане) Париже или в Келломяки, где условия для родов были гораздо предпочтительней. Выбор, разумеется, был сделан в пользу Келломяки. Таким образом, бабушкина профессия сыграла не последнюю роль в том, что родился я в 1931 году не в Париже, а в Келломяки, о чем, впрочем, ничуть не жалею, поскольку полюбил это место всей душой и на всю жизнь. Места в округе были удивительно красивы – песчаные карьеры, сосны, возвышенности. Запомнилась горка неподалеку от дома, где мы, дети, очень любили играть, скользить с вершины вниз по шелковому песку.

Дом стоял на окраине Келломяки, дальше уже шел лес. В середине пятидесятых я побывал в этих местах: дача во время войны сторела, на ее фундаменте был выстроен новый дом, ничем уже не напоминавший прежний – тот, в котором прошло мое детство. Теперь здесь жили детдомовцы.

Дом в Келломяки помню довольно хорошо. Было в нем два этажа, башня, просторная гостиная, веранда, а на втором этаже располагались спальные комнаты. Был в доме туалет, что тогда встречалось не часто. Правда, это был по нашим дням туалет весьма незамысловатый: дыра с выгребной ямой.

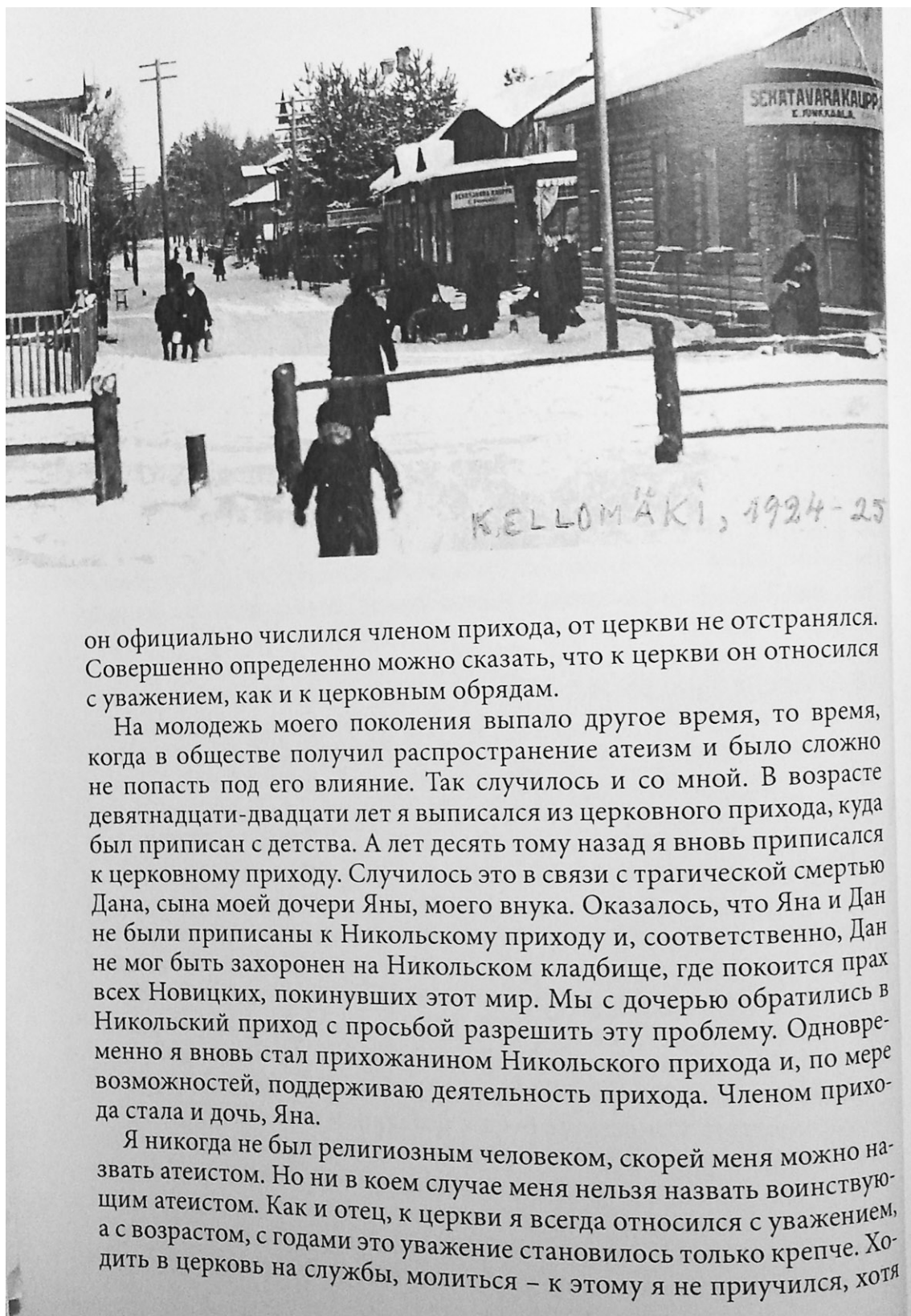
В девяностые годы теперь уже прошлого века я строил себе новый дом в Сейтлахти, где и живу поныне. Дом, нужно сказать, напоминает тот, в Келломяки...

Большей частью общался я с русскими сверстниками, а русских семей в Келломяки было довольно много. Во всяком случае, не меньше половины населения. По соседству с нами, например, стояла дача Морозовых, которая, правда, большей частью пустовала. Рядом располагалась дача семьи Кауше, хороших знакомых моей бабушки. Впоследствии эта семья эмигрировала в Швецию. Было много и других дач, которыми владели или арендовали русские, в основном, бывшие жители Петербурга.

До шести лет я почти не знал финского языка, но потом меня определили в финскую народную школу в Келломяки. Обычно принимали в школу с семи лет, но меня по настоянию бабушки и матери приняли с шести и сделано это было для того, чтобы я освоил финский язык. И скоро я действительно заговорил по-фински, у меня появились друзья – финны. В воспоминаниях русских, обучавшихся в те годы в школах Хельсинки, нередко можно услышать о том, что между ними и финскими учениками существовали напряженные отношения, иной раз перераставшие в потасовки. Ничего этого не было и в помине в Келломяки, да и, пожалуй, повсюду на Карельском перешейке, где численность русского населения была весьма значительной. Русские на Карельском перешейке не воспринимались финнами как нечто необычное, диковинное, а, напротив, как естественная часть населения. Мои отношения с финскими сверстниками носили вполне миролюбивый характер.

Бабушка и ее подруга Тан-Надя (Надежда Ивановна Герасимова) занимались моим воспитанием. Тан-Надя, кстати, была моей крестной. И бабушка, и Тан-Надя были людьми верующими, исправно посещали церковь, соблюдали церковные обряды, одним словом, вели жизнь истинных христианок. Интересно отметить, что бабушка, немка по происхождению, до замужества была лютеранкой, православие приняла после замужества, приняв веру мужа, моего деда Евгения Новицкого. Будучи уже в преклонном возрасте, бабушка принимала самое живое участие в делах Никольского прихода в Хельсинки. Мама тоже была достаточно религиозна, посещала церковные службы, читала молитвы. Отношение отца к религии, к вере было каким-то неопределенным, но ему был чужд «воинственный атеизм», он понимал, что религия, церковь несут людям добро, свет, помогают преодолевать невзгоды. Сам он церковные службы посещал редко, но не препятствовал матери и бабушке ходить в церковь, совершать обряды, не противился тому, чтобы нас, детей, крестили. При этом

Tante

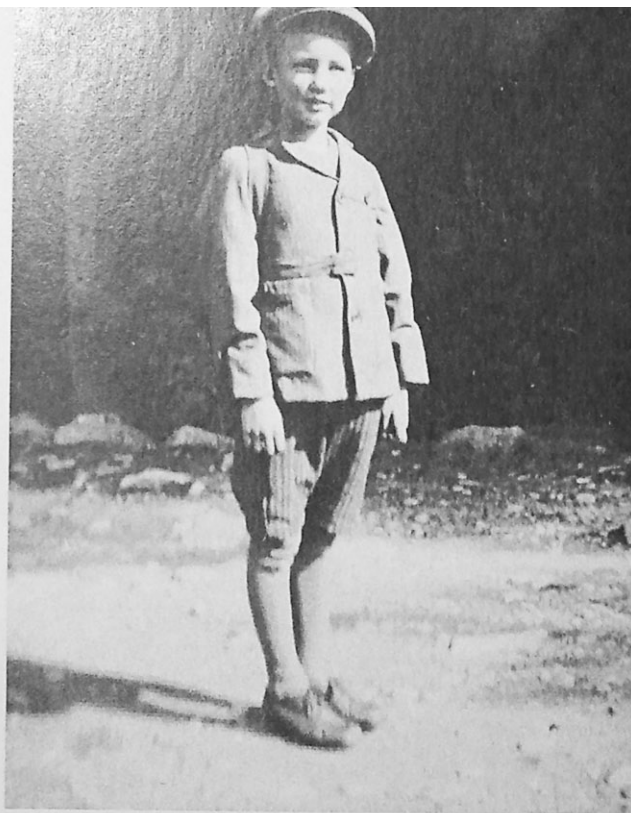

он официально числился членом прихода, от церкви не отстранялся. Совершенно определенно можно сказать, что к церкви он относился с уважением, как и к церковным обрядам.

На молодежь моего поколения выпало другое время, то время, когда в обществе получил распространение атеизм и было сложно не попасть под его влияние. Так случилось и со мной. В возрасте девятнадцати-двадцати лет я выписался из церковного прихода, куда был приписан с детства. А лет десять тому назад я вновь приписался к церковному приходу. Случилось это в связи с трагической смертью Дана, сына моей дочери Яны, моего внука. Оказалось, что Яна и Дан не были приписаны к Никольскому приходу и, соответственно, Дан не мог быть захоронен на Никольском кладбище, где покоится прах всех Новицких, покинувших этот мир. Мы с дочерью обратились в Никольский приход с просьбой разрешить эту проблему. Одновременно я вновь стал прихожанином Никольского прихода и, по мере возможностей, поддерживаю деятельность прихода. Членом прихода стала и дочь, Яна.

Я никогда не был религиозным человеком, скорей меня можно назвать атеистом. Но ни в коем случае меня нельзя назвать воинствующим атеистом. Как и отец, к церкви я всегда относился с уважением, а с возрастом, с годами это уважение становилось только крепче. Ходить в церковь на службы, молиться – к этому я не приучился, хотя

*Главная и
единственная
торговая улица
в Келломяки в 1924 г.,
вид прямо от вокзала.*

*Михаил
в школьном
костюме.*

бабушка и мама крестили меня при рождении и позже водили меня в храм, пытаясь приобщить к вере.

Забегая вперед, скажу, что приходилось мне бывать и на Валааме, святом месте Русской Православной церкви. Впервые я отправился туда в восьмидесятые годы по предложению Интуриста, чтобы оценить это место с точки зрения туризма. Валаам в то время выглядел довольно запущенно, однако, я посчитал, что туры сюда будут пользоваться спросом. И в своих ожиданиях не ошибся – круизные суда из Ленинграда на Валаам не испытывали недостатка в туристах. Очень скоро количество туров достигло тридцати за летний сезон, а судно вмещало в себя порядка трехсот пассажиров. В это же время я стал соучредителем Общества поддержки Ладожского Валаама, которое, действительно, оказало реальную помощь в деле восстановления святого места. Помогло и б/п Финсовтурс. Благодаря заботам, связанным с Валаамом, я познакомился с митрополитом Алексием (впоследствии патриархом Алексием Вторым). Однажды, от имени б/п Финсовтурс давал в Хельсинки обед в его честь.

Электронная библиотека сайта <http://terijoki.spb.ru> Раздел "Старые дачи" http://terijoki.spb.ru/old_dachi/
Ноябрь 2013 г.

КЕЛЛОМЯКИ

Мои родители вместе со мной вернулись в Финляндию в 1934 году. В эти годы в Америке и в Европе продолжался экономический кризис, во Франции он ощущался особенно остро, рабочих мест не хватало для французов, иностранцы же оказались в исключительно невыгодных условиях. А отец был не просто иностранцем, а лицом без подданства, обладателем так называемого нансеновского паспорта. Работать по специальности не было никакой возможности, приходилось довольствоваться случайным заработком и браться за любую, самую неквалифицированную и тяжелую работу. Это обстоятельство сыграло не последнюю роль в решении родителей покинуть Париж.

А в Финляндии все же находились родственники, было место, где хоть стесненно, но можно было жить, родственники и знакомые где-то работали и жила надежда, что они как-то смогут помочь и с работой. Так оно и произошло: отцу помогли устроиться на Кабельную фабрику в Хельсинки, не по специальности, правда, а рабочим на бумагорежущий станок, но и это по тем жестким временам считалось большой удачей.

Директором фабрики был в то время некий Вернер Векман, швед финского происхождения, успевший до этого поработать двадцать лет инженером в России, где-то на Урале. Он хорошо знал русский язык и к русским относился с сочувствием. Финны, хозяева предприятий, неохотно принимали выходцев из России на работу, а Векман делал это. На Кабельной фабрике, таким образом, оказалось изрядное количество работников русского происхождения. Может быть, не такое количество, как на фабрике Фацер, которую называли «академией русских эмигрантов», но достаточно заметное число. Помню, например, что там же, на Кабельной фабрике, работал отец моего друга, Аркадия Лебедева, друг отца, Сергей Николаевич Храмов, позднее многолетний председатель РКДС.

Отец с сыновьями.

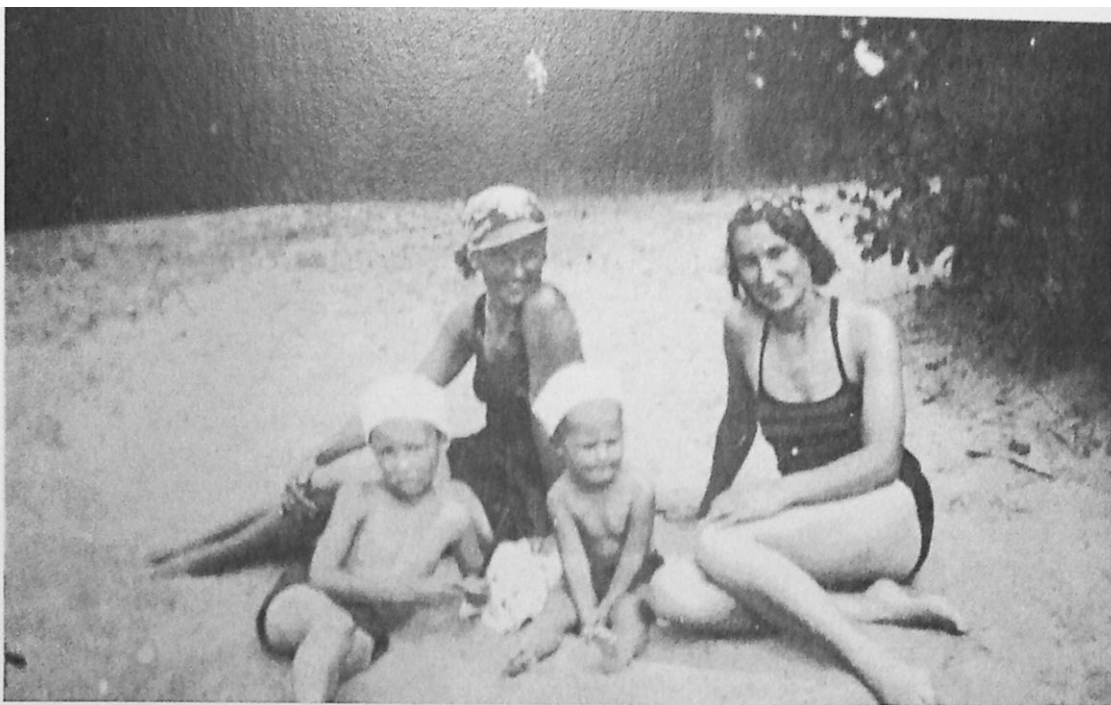
Рассказывая о Вернере Векмане, нужно, наверное, добавить, что он был первым финским олимпийским чемпионом – в 1906 и 1908 годах завоевывал титул олимпийского чемпиона по борьбе.

Отец снимал комнату неподалеку от Кабельной фабрики, работал, и ему редко удавалось выбраться в Келломяки. Я же постоянно находился там, а мама жила, как говорится, на два дома: и в Хельсинки, и в Келломяки, уделяя по мере возможностей время для моего воспитания.

В 1935 году родился мой брат Женя и маме, конечно, пришлось реже бывать в Хельсинки, тогда она большей частью находилась в Келломяки – ведь теперь нас, детей, было двое и хлопот стало, естественно, больше.

Тем не менее, из этого периода мне запомнилась одна поездка с матерью в Хельсинки, к отцу. Помню, как мы сидели втроем – я, мама и папа – в его комнате (в районе Мунккисаари) и играли в карты, в «дурака». Я тогда только научился играть в карты, мне было страшно интересно, и играл я с большим азартом. Помню, как всем нам было весело, мы много шутили, смеялись.

Конечно, многое за годы жизни выветрилось из памяти, не сохранилось, но вот отчетливо запомнилась еще одна поездка с матерью

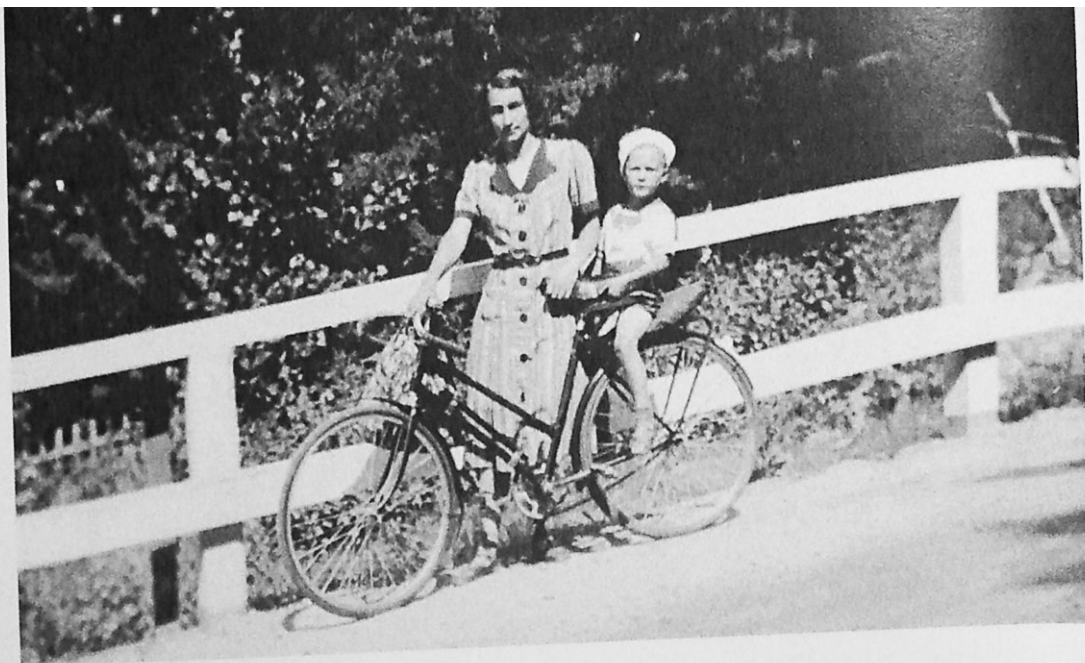
На пляже в Келломяки.

на этот раз в Куоккала, к деду, отцу матери, Эйнару Пуустинену. Дача деда стояла по соседству с известными «Пенатами», где жил Илья Репин, и я уже был достаточно «взрослым», и понимал, что тут живет большой художник. Близко было от дач до моря и до пляжа с его золотистым песком.

В Келломяки, кстати, тоже был отличный песчаный пляж. Навещая нас, отец любил поплавать в Финском заливе, мы вместе заходили в воду, и, помню, нужно было долго идти по мелководью, прежде чем достигнешь глубины. Еще, припоминаю, в нескольких километрах от бабушкиной дачи было великолепное, очень живописное озеро. Мы туда ходили с бабушкой и Тан-Надей, а поблизости находилось кладбище, где был похоронен Евгений Новицкий, муж бабушки, и мы, конечно, каждый раз носили цветы на его могилу.

В пятидесятые годы я побывал на этом кладбище, пытался разыскать могилу деда, но тщетно – кладбище, к сожалению, сильно изменилось. Война, масса новых захоронений – все это сделало свое дело: старые могилы безвозвратно канули в вечность.

На этом кладбище, кстати, покоится и прах Анны Ахматовой, возведен памятник.

Знаменитый велосипед, который мама получила еще в Келломяки и на котором все мы, дети, учились кататься.

В Келломяки стояли финские воинские подразделения, по выходным дням солдатам показывали кино и, помню, несколько раз я с мамой или с бабушкой бывал на этих демонстрациях. До этого мне не приходилось видеть «живые картинки». Впечатление было потрясающим, я по-настоящему «заболел» кинематографом и долгое время был киноманом.

Еще запомнился эпизод, когда мама получила в подарок от своего отца Эйнара Ивановича велосипед – редкую по тем временам штуковину. Его доставили в Келломяки к общему нашему восторгу и благодаря маме я быстро освоил эту машину, гоня на ней по всей округе. Велосипед оказался прочным, долго служил нашей семье, на нем позже учились кататься и Женя, и Виктор, и даже Нина, родившаяся уже после войны.

Припоминаются некоторые отдельные эпизоды из детства. Так, младший брат Женя уже с малых лет был находчивым мальчиком с развитым воображением. Однажды как-то вечером он мне говорит: Миша, залезь вот на это дерево и достань мне луну, которая как будто повисла на ветках. И я полез, пока не то мама, не то бабушка не согнали с дерева. Вот так мой младший брат верил в безграничные возможности старшего брата. А я был, как говорится, рад стараться.

*Прогулка в женский монастырь Линтула.
Самым интересным было «транспортное средство» и мягкое сидение.*

Однажды с матерью мы на поезде доехали до пограничной станции «Рајајоки», посмотрели как тогда перебирались по мосту через границу и как у моста стоят пограничники, с одной стороны – финны, а по ту сторону Сестры-реки – русские. Затем мы с матерью отправились пешком вдоль границы в Куоккала, к даче деда Эйнара, где отдохнули и продолжили наш путь вплоть до Келломаки. Было мне тогда всего лет пять.

Совершили мы прогулку и в женский монастырь Линтула, который тогда располагался километрах в пятнадцати севернее Териоки. Сам монастырь не запомнил, но хорошо запомнил лошадиную упрягу с телегой, заполненной соломой, где нам было интересно и удобно путешествовать под приглядом бабушки и мамы.

Отцу, думаю, приходилось нелегко в то время: физическая работа, отсутствие собственного жилья, вынужденная жизнь вдали от семьи, от детей. Но он был человеком сильным, закаленным, не в его характере было жаловаться и вешать нос. Напротив, отец вел активный образ жизни, участвовал в литературном кружке, выступал с докладами, живо интересовался политикой, культурой и экономикой, в том числе и Советского Союза.

СВЕТЛИКИ

Довоенный литературный кружок («Светлица») в Хельсинки основал Павел Львович Светлик, в прошлом капитан первого ранга флота Его Императорского Величества. Личность весьма примечательная – участник русско-японской войны, защитник Порт-Артура, он в полной мере испытал на себе всю трагедию гражданской войны и разделил судьбу многих русских офицеров, вынужденных проделать путь в Европу через Константинополь, через военные лагеря в Галлиполи и далее во Францию, в Германию и другие европейские страны. Павел Львович сделал выбор в пользу Финляндии, поскольку здесь находилась его родня. Он был человеком гуманитарного склада, хорошо разбирался в литературе, в поэзии и сам был не лишен литературных способностей, что нашло свое подтверждение позже, когда он написал свои воспоминания – читаешь и чувствуешь уверенную литературную руку. Рукопись Павла Львовича, в которой он преимущественно описывает военную сторону своей жизни, бесспорно, является ценным историческим свидетельством и можно лишь выразить сожаление, что она до сих пор не нашла своего издателя. Может быть, и родственники Павла Львовича сделали не все для того, чтобы такой издатель нашелся.

Моя бабушка по материнской линии, Надежда Пуустинен (урожденная Светлик) была родной сестрой Павла Львовича.

Будучи верным присяге, Павел Львович до конца своей жизни так и не принял революцию и не смирился с большевистским режимом в СССР. С отцом на этой почве между ними возникали довольно острые дискуссии, не перераставшие, как это иногда бывает, в ссоры. Оба, к счастью, обладали способностью прислушиваться к чужому мнению, терпимостью и ценили в собеседнике независимость сужде-

ний. Кроме того, оба страстно любили литературу, знали и понимали поэзию и это их, несомненно, сближало.

Постоянным участником литературного кружка «Светлица» был отец, а также Вера Булич, превратившаяся со временем в крупного поэта русского зарубежья. Отец ценил поэтический талант Веры Булич, дружил с ней, а позже, после войны, они вместе входили в состав редколлегии изданий, которые выпускал Русский Культурно-Демократический Союз – общественная организация, к рассказу о которой я еще вернусь.

Добрые близкие отношения возникли между моим отцом и одним из сыновей Павла Львовича – Жоржем, который стал впоследствии довольно известным художником Георгием Светликом. Вспоминается замечательно интересная выставка его работ в г.Таммисаари, где он на исходе своей жизни выстроил себе мастерскую и где прожил последние годы своей жизни. Там он создал целую серию картин, которые можно считать вершиной его творчества. Георгий Светлик был до этого известен главным образом как портретист, написавший, в частности, и портрет нашего отца. Дело в том, что Георгий приходился двоюродным братом нашей матери и довольно часто приезжал в Пакила, чтобы повидаться с матерью и со своей тетей, а заодно и пообщаться с отцом на актуальные темы политики, культуры и искусства. Они дружили, между ними обнаружилось много сходства во взглядах на историю, в политических оценках, в отношении к Советской России.

Недавно у меня и у моего брата Виктора был случай познакомиться с дочерью Георгия – Марией Мунстерхельм, которая работает редактором на телевидении.

Вообще, обе наши семьи хорошо ладили между собой, мы часто бывали друг у друга в гостях, отношения были самыми дружескими.

Михаил Новицкий

РУССКИЕ КОРНИ НА ФИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Востоминания и размышления

Михаил Новицкий

РУССКИЕ КОРНИ НА ФИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Воспоминания и размышления

Mihail Novitsky

VENÄLÄISJUURET SUOMEN MAAPERÄLLÄ

Muistelmia ja mietteitä

На добрую память
3/9-11
М. Новицкий

HELSINKI 2011